

От составителя

Откуда взялся Лимонов? Его парадоксальная и при этом удивительно цельная личность — загадка, которая занимает читателей и исследователей уже много лет. Лимонов будто и сам изумлялся себе — книга за книгой он препарировал собственную жизнь. Ранняя проза, дневники, письма, собранные в этой книге, позволяют подступиться к разгадке вплотную: здесь Лимонов ещё только становится Лимоновым.

В опубликованных при жизни писателя книгах московский период намечен лишь пунктиром. Харьков, Нью-Йорк, Париж описаны подробно, а Москву он упоминает вскользь, в рассказах и публицистике, но отдельной книги о ней не было. Между тем здесь провинциальный поэт-авангардист превратился в бесстрашного хулигана литературы, сделавшего собственную биографию главным писательским материалом. Борьба с нищетой, погружение в столичную богему, страстный роман с Еленой Щаповой и, наконец, эмиграция — всё это уместилось в несколько стремительных московских лет.

Роман «Москва майская», изданный уже после смерти Лимонова, частично заполняет эту лауну. Однако действие книги заканчивается до поворотного момента — встречи автора с Еленой, женой успешного художника Виктора Щапова, в которую он без памяти влюбился. Именно разрыв с Еленой болезненно переживает главный герой романа «Это я — Эдичка». В день знакомства Елены и Эдуарда нас подхватывает книга, которую вы держите в руках.

Пора рассказать об истории текстов, которые в неё вошли. Покидая СССР, Лимонов взял с собой дневники за несколько лет, стихи, первые прозаические наброски. Часть

этих материалов — прежде всего дневники — он позже, переезжая из Нью-Йорка в Париж, передал молодому учёному из Техасского университета в Остине Илье Левину; другую часть — Вагричу и Ирине Бахчанян, друзьям ещё по харьковским временам, также эмигрировавшим в США. В черновике письма, написанного во время расставания с Щаповой, в феврале 1976 года, есть такие строки: *«Прошу тебя, как единственного друга. Для поэта самое дорогое — его рукописи. Сохрани эти два чемодана, что стоят в шкафу — (в одном из них ещё иконы) — сохрани до листочка — ты это понимаешь. Возьми эти чемоданы к себе — не доверяй их никому — никакому Баху или Ирине»*.

Несмотря на предостережение, при переезде в Париж Лимонов всё-таки доверил рукописи как раз Вагричу и Ирине, и благодаря им тексты дошли до нас. На полях письма другой рукой, простым карандашом сделана приписка: *«Именно они и сохранили! ИВ»* (ИВ — подпись Ирины Бахчанян.)

Архив Вагрича и Ирины Бахчанян был приобретён в 2013–2015 годах библиотекой Хесбурга Университета Нотр-Дам (Индиана, США). Машинописный дневник 1971 года, «Я не хочу быть простым человеком» и несколько писем, приведённых в настоящей книге, происходят из этого собрания.

Вторую часть своих бумаг Лимонов в 1980 году передал Илье Левину. Долгое время этот массив текстов ошибочно разыскивали как «архив Джона Боулта», поскольку так его обозначил в «Книге воды» сам Лимонов:

«Уезжая в 1980 году из Америки, я передал их в архив слависта Джона Боулта из Техасского университета в г. Остин. Впоследствии Джон Боулт передал эти километры рукописей со сквозной нумерацией (я помню, что была там и страница 1235 уж точно) ещё в какой-то университет. Так что они где-то есть, эти километры. Когда неприязнь ко мне как к председателю

*Национал-большевистской партии** рассеется, эту тысячу с хвостом страниц начнут изучать».

Сам Джон Боулт не раз с недоумением отвечал на просьбы исследователей раскрыть судьбу «лимоновских километров» — никаких таких рукописей в его фондах не было. Путаница возникла, потому что рукописями писателя заинтересовался не Боулт, а Илья Левин, тогдашний его коллега, аспирант по кафедре сравнительного литературоведения. Именно он предложил писателю передать бумаги в 1979 году. Спустя три десятилетия, работая над «Книгой воды» в тюрьме, сам Лимонов случайно отправил исследователей по ложному следу, перепутав имя хранителя архива.

Недавно Илья Левин передал хранившееся у него собрание лимоновских бумаг в Архив русской культуры Амхерст-колледжа. В этом томе публикуется несколько писем и фотографий из данной коллекции, рассказ «Автопортрет без Елены», а также 79-я страница машинописного дневника, утерянная в копии Бахчаняна.

Теперь, когда мы проследили путь рукописей, пора обратиться к их содержанию.

Лимонов вёл дневники всю жизнь. Это многие тысячи страниц, что удивительно, если помнить, что помимо них он успел написать более семидесяти книг. Некоторые тетради уже обнаружены, другие ещё предстоит найти, и ни одна до сих пор не была опубликована. В настоящем сборнике читатель впервые увидит часть дневника — с 6 июня по 27 декабря 1971 года**. Почему эти месяцы? Дело в том, что Лимонов сам «подготовил» эти страницы для чужого взгляда — перепечатал

* Деятельность общественной организации в Российской Федерации запрещена. — *Прим. ред.*

** Машинопись заканчивается на середине 24 декабря. Последние три дня календарного года добавлены из рукописного дневника.

рукопись, кое-что вычеркнул, кое-что подправил и снабдил комментариями. Поначалу он даже пытался разбить материал на главы, но быстро отказался от этой идеи. О важности текста косвенно свидетельствует и то, что он сохранился в двух экземплярах: в Университете Нотр-Дам и в Амхерст-колледже.

Эти страницы повествуют о знакомстве с Еленой Щаповой, краеугольном событии в жизни Лимонова. К тому времени писатель уже более трёх лет живёт в Москве и прочно обосновался в столичной богеме. Зарабатывает он пошивом брюк на заказ и продажей самодельных поэтических сборников. Именно тогда он перестаёт быть, по собственному выражению, «боязливым неучастником, наблюдателем жизни» (альманах «Апполон-77»). Теперь сам писатель — объект и герой своей поэзии, стремящийся «отстоять свою отдельную странность и право на неё».

Где проходит граница между художественной автобиографией Лимонова и его подлинной биографией — вопрос, который не перестаёт волновать читателей и после смерти автора. Теперь у нас есть шанс увидеть события его жизни «в прямом эфире», а не через призму времени и художественного переосмысления. Этот Лимонов и очень узнаваем, и такого Лимонова мы видим впервые.

Если дневник фиксирует жизнь почти без фильтра, то следующий текст сборника показывает, как Лимонов начинает эту жизнь перекраивать. Незаконченный рассказ, названный нами «Автопортрет без Елены», — ранняя попытка автофикшна. Текст построен в форме дневника, но даты в нём даны абстрактно («31 весны»). Рассказ полон хронологических противоречий, из-за которых его сложно датировать: так, некоторые события указывают на 1968 год, а другие позволяют думать о 71-м. Вагрич Бахчанян выписан в рассказе под именем «Н-ов». Появляется и некая «Лена» — привлекательная соседка по коммуналке, но сложно сказать, навеян ли этот

образ Еленой Шаповой, или она ещё не появилась в жизни Лимонова на момент написания текста. В любом случае рассказ обрывается припиской *«Нет нет — так писать нельзя. Чрезмерно быстро. И нет стиля дневникового»*.

Но отброшенный метод не пропал. Третье произведение сборника — «Я не хочу быть простым человеком» (1972) — уже более зрелое и объёмное, балансирует между дневником и художественной прозой. Параллельно с работой над этим текстом Лимонов вёл и настоящий дневник, где 24 августа 1972 года, на странице 2229, отметил: *«Сегодня я спал мало. С 4х часов до пол-девятого писал на больших листах не то роман, но что-то такое. Проснулся. Дождь. Письма от масеньки нет. Зато дождь. Не жарко — хорошо. Грустно, грустно быть выдающимся в ермолке и с усами»*.

В этом «не то романе» нет второстепенных эпизодов: встреча с любимой после долгого расставания также важна для автора, как описание обеда. Всё подчинено одной цели — всепоглощающему самоанализу, в котором автор пытается найти ответ, почему он «герой, а все иные — нет».

Не найдя ответа, Лимонов резко заканчивает этот экспериментальный текст, в котором звучат идеи и интонации, позднее полностью раскрывшиеся в его зрелых произведениях.

Особняком в сборнике стоят письма к Елене Шаповой. Если первые произведения показывают зарождение их романа, то эта переписка переносит читателя на 10 лет вперёд. После тяжёлого разрыва 1976 года, переживание которого Лимонов описал в «Это я — Эдичка», отношения возобновились, и с 1979 по 1983 год Шапова и Лимонов снова были вместе. Большая часть переписки тех лет уже опубликована в книге Елены Шаповой «Письма любви»*, однако ряд писем

* Шапова де Карли Е. Эдуард Лимонов. Письма о любви. М.: Зебра Е, 2024.

туда не вошёл; именно они представлены в сборнике. Эти тексты служат своеобразным эпилогом к их отношениям, начало которых мы наблюдали в «Дневнике» и «Я не хочу быть простым человеком».

И здесь пора вернуться к вопросу, с которого мы начали.

Откуда же взялся Лимонов?

Ответ он дал сам в «Я не хочу быть...»: *«Лимонов — создал Лимонова. Лимонов написал Лимонова».*

Он и был своим главным автором — человеком, который непрерывно записывал, моделировал и проживал себя одновременно. Значимым импульсом в этом процессе стала его любовь к Елене Щаповой. Подтверждение тому — запись в дневнике 30 августа 1972 года [стр. 2251]: *«А между прочим — я твоё произведение. Ты меня таким сделала. Вот бери меня пожалуйста и пользуйся теперь. Сама сделала. Вот и бери».* Стремясь соответствовать Елене — а точнее, созданному им же идеалу, — Лимонов всё настойчивее хотел «создать из себя тип человека и литературного героя».

Собранные в этой книге тексты позволяют увидеть, как в ранних дневниках и первой прозе кристаллизовалась личность, которой суждено было через несколько лет взорвать русскую литературу.

В конце книги читателя ждут комментарии Даниила Духовского — литературного секретаря и друга Лимонова. Подробный путеводитель по людям, местам и обстоятельствам, без которого многое в этих ранних текстах осталось бы непонятным.

Денис Изотов

Машинописный дневник
6 июня – 27 декабря 1971 года

Глава первая

6 июня/Был у Известного 4 часа работы, беседа. "Ты должен быть один."

ни с кем не кооперируйся. Кто говорит мы тот сука. Ты должен быть один.

зот я остался один. "Дождь. Зеленъ. Поиски мастерской. правые и левые все

а я не тот и не тот. Послал премьера на хуй." Мои книжки -Грузия-

Новосибирск, одна-братья Стругацкие. "Человек и машина"-куски из се-

рий Платон, Эмпедокл, Дантовский ад.

вечером поиски цветов: День рождения Кыры Сапгир. Гости: Брусиловские,

Лена Шапова, Шапов, некий Вальтер, Ирена, лариса, Холин, Квятковский, Алена

и Антонио, Цыферов, Саша Петров с женой. Медовые глаза Шаповой. Предложе-
ние в воскресенье на дачу читать стихи.

7-го Сапгир и Елена у нас. Бахчанян. Звонки от Штерна, где собрались

Грообман, жена Окуджавы, Бачурин, Кабаков. /22 июня-день рождения Елены-

"Козлика" Лены Козловой, жены Шапова, маленького богатого старичка.

Живу. жду встречи. с мужчиной? с женщиной, с некоей группой лиц? Но жду

подтяжки там, чулки, носки, и куда-то собираться, по времени и записывая короткие мысли. А осень, а холодно, и в расклевывает бодрость.

Вчера/9-го/ у Баха с женой. Пета Беленок. Разговор о том, мол Москва-провинция, вот Европа-там настоящая жизнь, там это-надо лечь в гроб или стать обывателем. Говорят-надо думать, что за глупость, здесь нужно работать, среди своих и эта дура Анна тоже поддерживала. Поехал к себе, лег спать. Кабакова, а я напротив-защитал. Говорили-он сам, мол при своем он свой стиль, уехал на месяц в деревню и выдумал? Да, но не дошли до сознания необходимости выдумать свой стиль Кабаковым. То есть, когда он пришел к решению-надо-и выдумать Кабаков. Другое дело, большее или меньшее место он занимает.

На мне нужно написать "Ищу мецената!" Чтоб меня поняли толкую-ищу человека, у которого могу всегда лечь спать в любом городе. Вот что есть меценат в России 1971 года

Думаю и думаю о самоубийцах. Встают они предо мною. Все предо мною. Лотреамон, Тракль, Кляйст... притягательно.

Ах оставила бы в покое меня Лена. Сам я не могу этого. Ленька мешает, да и не спал я с нею, не сплю, а все остается наверху-как же-не спал-и расстаться.

Фрагмент "Суд"

Прежде чем начать, придется признаться, что я ненавижу. Мне делать, я вынужден объясниться. Я просто не могу и не могу, я хочу оправдаться. Я хочу сказать, я хочу чтоб

В. Айкин
 Д. Пименов
 Корресп. 1969-

О. Тиховани (хирург) Москва 1973

А. Рубинштейн Т. Волович Г. Сангир 1971 (?)
 День рождения Милонова Москва. У Крайних ворот

Э. Милонов Е. Батурина
 Москва февраль. март 1973
 мастерская Батурина

9. 1.

День рождения
Москвы, Красн. ворота 1971

стые осенние небеса. И читать то, что напи-
Вчера отвозил передавать на станцию од-
очень темно—прямо страшно. Посидел у Дими-
написал письмо, одел его оставленный пла-
пешком—еле дождь. Смутно, темно, тепло. И
света. Вспоминал жену и грустил. И будто
же—не мог найти.

Итак—что же сделано за два года с авгу-
когда написана мной поэма "Три длинные п-
может быть их можно было и в один объед-
но тематически они разнятся. В первом ещ-
мои друзья,—противоборство и притяжение
я и они.

И вот теперь, через два почти года сраз-
как я сейчас это называю. И может быть з-
неважно строки стихотворные или нет. Не
мне важна моя жизнь, и я пронзительно от-
сям оставить куски жизненные, живые,—жел-
зии. Это не в том смысле, что я реалист у-
ровать иным материалом, нежели раньше бы-
оказались не бесполезными. Когда-то я с-
"Трех песен"—казалось идти некуда, уж да-
сь другое и то же, в ином только увидени-
Зительность жизни—этого ни в одном стих-
И по улице коротко иду, а слышу вижу жиз-

102/а грустного. Я это воспринял хорошо. Приехал
на Гнездиловский переулок в 2 т. ночи. И
удивительно что никто не спросил меня куда
иду. Момент у меня был такой какой-то вид?
Теперь я вымыла себе грёту тай и хочу есть.
Но встать мне не хочется, я не могу ничего
сделать. и мне приятно что я глуп. хотя бы сейчас.
Хорошо бы никто не звонил и не приходил. И я бы
умер с тоской. Хорошо бы если бы меня не было
Сегодня в 2 т. она приедет к Генрику в 2 часа дня
тобы он помог ей с книжкой. Мне это очень
не нравится - её деловитость. И вообще - зачем мне
она. Я по-новому не раз даю не беру её за руку
опять вернувшись прошлой и те времена обступили
меня. толпятся. И я не изменился совсем.
Где-то на почте в глубине её лежат деньги которые
мне прислала моя мама - моя грустная мама из
города Харькова. Сын её сидит в моргак за
большими (огромными) крыльями) стоял в чужой
хрустальной квартире на одном краю его -
обеденного стола - пьёт чай и пишет свои удивные
теловещеские записки. О том как он вчера смотрел
на её худую ногу в полосатой штанине и вообразил
себя в своей уютной кожаной куртке - кем же -
мама - он себя вообразил - неопределённое что-то, мама -
но упорное воображение - мама.
Этим упорным воображением сын занимается всю
всю свою жизнь. Ещё когда он ходил через
кладбище по знакомой своей дороге каждое утро
среди знакомых могил то и тогда он вообразил
и видел далёкое прекрасное будущее.
Теперь - скажи я себя - я занимаюсь собой только
в плане духовном. И этот воображаемый заём
всего моего и только моего

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru